

Научная статья
УДК 130.2
DOI: 10.18101/1994-0866-2026-1-56-62

Шанс усталости в кризис нарратива: философско-антропологический взгляд

© Филиппович Юлия Сергеевна

соискатель кафедры философии,
Курский государственный университет,
Россия, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33
ассистент кафедры социальной работы и безопасности жизнедеятельности,
Курский государственный медицинский университет
Россия, 305000, г. Курск, ул. Карла Маркса, 3
tweedledee6@mail.ru, filippovichjs@kursksmu.net

Аннотация. В условиях постмодерна усталость перестает быть лишь симптомом физического или психического переутомления и приобретает онтологический статус — она становится индикатором глубокого кризиса нарративной идентичности. Под влиянием цифровой гиперкоммуникации, фрагментации восприятия и логики платформенной самопрезентации субъект утрачивает способность конституировать Я как связное повествование. Философы от А. Макинтайра до Б.-Ч. Хана показывают, что именно нарратив, наделённый временной целостностью и аксиологической глубиной, делает возможным этическое самоощущение. Однако современная культура заменяет подлинное повествование на стандартизированный «сторителлинг», ориентированный на одобрение алгоритмов и аудитории. В этом контексте усталость выступает не как патология, а как парадоксальная возможность: доведенная до предела, она разрушает иллюзию перформативного Я и открывает пространство для экзистенциального поворота. В состоянии исчерпанности человек может отказаться от логики продуктивности и вернуться к подлинному рассказу — не ради демонстрации, а ради самопостижения и связи с Другим. Такая усталость становится условием онтологического освобождения: именно в отказе от необходимости быть «полезным» раскрывается шанс быть «настоящим». Таким образом, мы считаем, что усталость в постмодерне — это не коллапс, а последний антропологический шанс на подлинность через признание уязвимости, молчания и права на незавершённость.

Ключевые слова: усталость, нарративная идентичность, постмодерн, цифровая культура, самопрезентация, онтология, экзистенциальный поворот, повествование, перформативность, подлинность.

Для цитирования

Филиппович Ю. С. Шанс усталости в кризис нарратива: философско-антропологический взгляд // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2026. Вып. 1. С. 56–62.

Современный человек все чаще прибегает к констатации «я устал» как к центральному высказыванию своего экзистенциального состояния. Однако данное утверждение уже не может интерпретироваться исключительно как жалоба на физическое или психическое переутомление — оно приобретает статус

онтологического симптома, отражающего глубокие трансформации жизненного мира в условиях постмодерна. Усталость выступает здесь как индикатор системного кризиса идентичности, обостренного отчуждения и деструкции подлинного повествования, то есть тех процессов, которые Аласдер Макинтайр [1], Чарльз Тейлор [2], Поль Рикёр [3] и другие философы рассматривали как фундаментальные для формирования личностной идентичности.

В условиях гиперкоммуникации и цифровой фрагментации восприятия, где поток информации замещает временную целостность опыта, возникает онтологическая невозможность конституировать Я как единую связную историю. Как полагают вышеупомянутые мыслители, именно через участие в нарративе, с его внутренней аксиологической перспективой, наличием главных героев и способностью к оценочному осмыслению действия, становится возможным обретение повествовательного единства, необходимого для этической самотождественности и ответственного бытия во времени.

О фрагментарности современного субъекта ярко свидетельствует корейско-немецкий философ Бён-Чхоль Хан. Он диагностирует трансформацию Homo sapiens в так называемого phono sapiens — существа, чья идентичность конституируется не через разумное осмысление бытия, а через постоянную речевую активность, самопрезентацию и коммуникативную производительность [4]. Мы полагаем, что в условиях цифровой культуры человек оказывается включенным в бесконечный поток высказываний: в социальных сетях, на работе, перед камерой — он непрерывно «говорит», и при этом утрачивает способность к подлинному повествованию. Происходит переход от рассказчика, обладающего целостной и этической ответственностью за свой опыт, к storyseller'у — продавцу историй, адаптированных под логику алгоритмов, лайков и норм платформ. Такая трансформация знаменует собой не просто изменение форм коммуникации, но глубокий кризис нарративной идентичности, в котором исчезает связующая ткань между прошлым, настоящим и будущим, а личная история распадается на дискретные, бессвязные эпизоды, лишённые смысловой целостности.

Важно понимать смысл поступков, совершаемых человеком, а потому мы следуем мысли А. Макинтайра, который утверждает, что «разумное действие является более фундаментальной концепцией, чем концепция действия как такового» [1, с. 281–282]. То есть это то разумное действие, которое можно представить в качестве эпизода повествования, когда мы говорим о человеке.

Противоречивость и многообразие, тенденция к превращению информации и знания в товар, а также трансформация жизни в игру являются некоторыми из многих характеристик, ведущих к ощущению отставания, незаполненности, а потому усталости. В условиях, когда цифровая среда становится доминирующей формой жизненного мира, повествовательная структура опыта оказывается подорвана [5]. В этом, нам кажется, и проявляется разрушение связующей ткани, необходимой для обретения подлинной идентичности.

В фильме Чарли Кауфмана «Аномализа» все люди выглядят одинаково, говорят одним голосом. На первый взгляд, это гиперболизированная метафора

однородности современного общества. Однако рассматривая ее в свете философско-антропологического анализа, можно утверждать: это не метафора, а своеобразный диагноз времени. Цифровая культура с ее нормативными шаблонами самопрезентации действительно стирает индивидуальность, заменяя ее стандартизированными нарративными кодами, продиктованными логикой платформ: как отреагировать на утрату, как оформить успех, как выстроить биографию в профиле. Горе, любовь, профессиональные достижения — все должно соответствовать заранее заданному повествовательному формату, превращая уникальный опыт в серийный контент. Исчезает то, что, по мнению философов, является ядром этической жизни: способность жить как единый рассказ, где действия осмысливаются в свете ценностных ориентиров и временной протяженности. Выполняя стандартную версию, лишенную внутренней напряженности, мы теряем уникальность и возможность быть тем, кто говорит: «вот как было», — не потому, что это нужно показать, а потому, что это необходимо сказать.

Экраны, по выражению Б.-Ч. Хана, заменили костер — древний символ коллективного бытия, где рассказывались истории и формировались общие смыслы, передавалась связь поколений. Этот символ, на наш взгляд, также стоит считать символом рекреации и отдохновения: слушая рассказы и создавая свои, человек вспоминал и чувствовал себя на месте. В современной культуре это пространство уступило место логике демонстрации, где каждый индивид вынужден постоянно «выполнять себя», превращая свою жизнь в поток контента. Каждый день становится поводом для публикации: болезнь, любовь, усталость — все подлежит оформлению, визуализации и одобрению через лайки и комментарии. Даже боль, как отмечает Хан, теряет свою экзистенциальную глубину и превращается в повод для сторис, в ресурс самопрезентации. Прекращение саморефлексии и есть симптом усталости, указывающий на разрушение основ человеческого существования как временного, рефлексивного и ответственного.

В этот момент мы наблюдаем парадокс, характерный для современного экзистенциального состояния: именно в точке полного исчерпания, когда ресурсы перформативного Я иссякают и разрушается иллюзия контроля, становится возможным подлинный поворот. Усталость, доведенная до предела, перестает быть симптомом патологии и обнаруживает свое положительное измерение — она выступает как антиципация пробуждения, момент, в котором субъект, отказавшийся от игры самопредъявления, оказывается на пороге иного бытия. Этот порог открывается через разрушение целостности проектного Я, сконструированного по требованиям продуктивности и социальной валидации. В образовавшемся пространстве становится возможным возвращение к нарративу — не как к технике самопрезентации, а как к акту самопостижения и поиску нарративной идентичности [6], экзистенциальному исцелению. Такой рассказ не обращен к внешнему одобрению, суду, но стремится к пониманию, к восстановлению связи между пережитым опытом и его осмыслением. В этом и состоит онтологическая ценность усталости: она создает условия для того, чтобы уже упомянутая нами фраза «вот как было» показала — это все было сделано для бытия, оно было необходимо [7].

Раскрывающаяся как отказ от бесконечной игры продуктивности и самопрезентации, усталость создает предпосылки для возвращения к подлинному повествованию как к акту самопостижения и экзистенциального исцеления. Как показывает анализ В. В. Бабича [7], опирающийся на концепции А. Макинтайра и Ч. Тейлора, нарративная идентичность возможна лишь при условии холистичности, т. е. способности осмысливать свою жизнь. Конечно, критика нарративизма справедливо указывает на линейность сюжета, однако существование не лишено скрытой повествовательной структуры. Полный отказ от повествования ведет не к свободе, а к десубъективизации, где исчезает место для дружбы, любви и заботы — явлений, требующих временной протяженности и верности себе.

Так мы приходим к пониманию парадокса, обозначенного выше: истинный нарратив невозможен без паузы, без молчания, без времени. А у нас этого нет. Алгоритмы диктуют темп. Интернет-платформы ограничивают формы повествования. Даже в кабинете врача нас просят не рассказывать, а отметить галочками симптомы в бланке. Дух повествования, как теперь нам ясно, несовместим с логикой эффективности, продуктивности и достигаторства. Мы становимся идентичными куклами с идентичными жалобами.

Онтологическое истощение, с которым сталкивается человек эпохи постмодерна, как термин, переключается с эссе Джона Барта «Литература истощения» [9]. В этой работе писатель аргументирует конец классического романа, поскольку мы уже достигли точки, где все истории уже рассказаны и все формы опробованы. Он находит ту точку, от которой, оттолкнувшись, можно открыть пространство для метанарратива, для сознательной игры с формой.

Для нашего исследования это означает, что когда стандартные формы самоповествования разрушены системой (алгоритмами, социальными сетями и клиповым мышлением), человек оказывается перед выбором — либо продолжать имитацию, либо совершить экзистенциальный поворот к метауровню осознания: «я устал от того, чтобы “быть собой” в нужном формате». Пауза, вызванная усталостью, может стать пространством для признания беспомощности, для слов, сказанных не ради эффекта, а потому что они правдивы. Это рождение нового — нарратива о невозможности нарратива, который и становится последним шансом на подлинность. В этом мы видим положительную роль усталости — условие новой возможности, когда мы рассказываем не «лучше», чем кто-то, а иначе, с признанием своей истощенности, уязвимости и права на молчание.

В этом состоянии, когда человек перестает быть полезным в рамках логики производительности и функциональной эффективности, становится возможным обретение подлинной свободы. Джорджо Агамбен интерпретирует этот процесс как профанацию, то есть акт возвращения вещей, включая самого человека, в пространство свободного, нерегулируемого пользования, вывода их из-под утилитарной эксплуатации [10]. Усталое тело отказывается от работы, уставший разум перестает подчиняться императивам рациональности и контроля, а субъект, прекращая быть инструментом системы, выходит за пределы своей функции. В этом добровольном или вынужденном бездействии, в отказе от производительности, и

проявляется возможность иного бытия — не как активного агента, но как существа, освобожденного от необходимости оправдывать свое существование. Именно в этой точке, лишенный полезности, человек, по мысли итальянского философа, впервые может стать самим собой.

Там, где рушится логика перформативного самопредъявления, становится возможным возвращение к подлинному повествованию — не как медиатизированной технике самопрезентации, но как акту самопостижения и экзистенциального исцеления. Как мы отмечали ранее, нарратив выступает необходимой формой конституирования личной идентичности, позволяя субъекту преодолеть фрагментацию опыта и восстановить временную целостность Я. Только в рассказе, обращенном к Другому не как к потребителю контента, а как к собеседнику, способному слышать, человек может обрести возможность жить, будучи свидетельством существования прошлого.

Однако такой рассказ предполагает наличие медиатора, который бы интерпретировал и сопровождал символическое. Это может быть терапевт, учитель, духовный наставник, то есть тот, кто способен принять повествование во всей его уязвимости и незавершенности. Медиатор помогает интегрировать разрозненные фрагменты жизненного опыта в связанное повествовательное единство, противостоящее доминирующему режиму клиповости и эфемерности. Без такого отношения слушания повествование распадается на бессвязные эпизоды, превращаясь в поток сознания, сторис или цифровые осколки, исчезающие через 24 часа.

Путь через усталость следует понимать как онтологическое странствие, такой процесс экзистенциального переосмысления бытия, в ходе которого становится возможным становление разрушенных связей: с самим собой, с Другим, с миром. Усталость, доведенная до предела, перестает быть симптомом кризиса и обнаруживает себя как порог, за которым исчезает необходимость в постоянной демонстрации идентичности. Только в состоянии полного исчерпания, когда субъект больше не может поддерживать образ «проекта», он оказывается в положении первоначальной уязвимости, где отсутствует контроль, но появляется возможность подлинного присутствия. В этой точке лишенный функции быть полезным человек впервые может ощутить свою общность с другими — не как конкуренцию, а как солидарность в немощи. Именно тогда, когда он перестает быть идеальным, эффективным, успешным, он обретает шанс стать настоящим — не через достижение, а через открытость, не через усилие, а через смирение. Усталость, таким образом, раскрывается как парадоксальный акт освобождения: не конец человеческого, а его возрождение в форме, лишенной иллюзии, но наполненной достоверностью.

Таким образом, в условиях постмодерна, где утрата смысла и фрагментация жизненного мира стали структурной данностью, а нарратив редуцирован до уровня потребительского контента, усталость обнаруживает свое парадоксальное измерение — не как коллапс субъекта, а как последний антропологический шанс выйти на подлинность. Она разрушает логику перформативности, в которой бытие легитимируется через продуктивность, успех и демонстрацию, открывая пространство для иного существования: не героического усилия и достижения,

а открытости; не самопрезентации в заданных рамках, а признания своей немощи вне их. В этом состоянии исчерпанности становится возможным переход от «быть полезным» к «быть настоящим» — не совершенным, автономным, контролирующим, а уязвимым, зависимым и способным сказать: «Я устал», тем самым начать говорить искренне и по-своему.

Литература

1. Макинтайр А. После добродетели. Исследования теории морали. Москва : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2000. 384 с.
2. Taylor Ch. *Sources of the Self: The Making of the Modern Identity*. Cambridge, Mass. : Cambridge University Press, 2001, 602 p.
3. Рикёр П. Я — сам как другой : перевод с французского. Москва : Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
4. Хан Б.-Ч. Кризис повествования. Как неолиберализм превратил нарративы в сторителлинг / перевод А. С. Салина. Москва : Лёд, 2023. 160 с.
5. Волков В. Н. Постмодерн: недоверие к метанарративам // Культурное наследие России. 2015. № 2. С. 3–11.
6. Аникина А. Б. Понятие нарративной идентичности в философии П. Рикёра // *Respublica Literaria*. 2023. № 1. С. 5–14.
7. Бабич В. В. В защиту нарративной идентичности // *Философская мысль*. 2024. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-zaschitu-narrativnoy-identichnosti> (дата обращения: 12.11.2025).
8. Strawson G. Against narrativity. *Ratio*. 2004; 17(4): 428–452.
9. Барт Д. Литература истощения // *Российский литературоведческий журнал*. 1997. № 10. С. 124–139.
10. Агамбен Дж. Профанации / перевод с итальянского Б. Скуратова. Москва : Гилея, 2014. 112 с.

Статья поступила в редакцию 18.01.2026; одобрена после рецензирования 02.02.2026; принята к публикации 10.03.2025.

The Chance of Fatigue in the Narrative Crisis:
A Philosophical-Anthropological Perspective

Yuliya S. Filippovich

Applicant of Philosophy Department,
Kursk State University;
5 Kirova St., Kursk 305000, Russia

Assistant at Department of Social Work and Life Safety,
Kursk State Medical University
3 Karla Marksa St., Kursk 305000, Russia
tweedledee6@mail.ru, filippovichjs@kursksmu.net

Abstract. In postmodernity, fatigue ceases to be merely a symptom of physical or psychological exhaustion and acquires an ontological status — it becomes an indicator of a profound crisis of narrative identity. Under the influence of digital hypercommunication,

perceptual fragmentation, and the logic of platform-driven self-presentation, the subject loses the capacity to constitute the “I” as a coherent narrative. Philosophers from Alasdair MacIntyre to Byung-Chul Han argue that it is narrative endowed with temporal integrity and axiological depth that makes ethical selfhood possible. However, contemporary culture replaces authentic narrative with standardized “storytelling” tailored to algorithmic validation and audience approval. Within this context, fatigue appears not as pathology, but as a paradoxical opportunity: when driven to its limit, it dismantles the illusion of the performative “I” and opens a space for an existential turn. In a state of utter exhaustion, the individual may reject the logic of productivity and return to authentic narration, not for demonstration, but for self-understanding and connection with the Other. Thus, such fatigue becomes a condition of ontological liberation: it is precisely in relinquishing the imperative to be “useful” the chance to be “real” emerges. Therefore, we believe that fatigue in postmodernity is not a collapse, but the last anthropological opportunity for authenticity through the acknowledgment of vulnerability, silence, and the right to incompleteness.

Keywords: fatigue, narrative identity, postmodernism, digital culture, self-presentation, ontology, existential turn, narration, performativity, authenticity.

For citation

Filippovich Yu. S. The chance of fatigue in the narrative crisis: a philosophical-anthropological perspective. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy.* 2026; 1: 56–62 (In Russ.).

The article was submitted 18.01.2026; approved after reviewing 02.02.2026; accepted for publication 10.03.2026.